

СПРАВКА

ФОТО ДМИТРИЯ РУХМАЛЕВА

Алексей Коваль

22 года. Слесарь-ремонтник Металлургремонта-1 на ММК. Занимается в литобъединении при редакции газеты «Магнитогорский рабочий». Увлекается настольным моделизмом, классической литературой, мечтает поступить в Московский авиационный институт.

Завещание странника

Я смотрю на это бескрайнее ночное небо, торопливо шагая сквозь мрак ночного города. Я никогда не молился равнодушной высоте, не кричал из толпы: «Я желаю летать!» Пускай небо останется безмолвным, и только звезды говорят: «Мы там, а ты здесь». Им нет дела до земных законов, до имен и до тех, кто на них смотрит. Идущий по дорогам мира странник, такой же, как и они, безразличный ко всему окружающему. Но он хотя бы видит дорогу, мосты и вокзалы, а я — бредущий одиночка, отдаю последнее встречным и попутчикам, забывая о себе. Нет, у меня нет сил сделать их счастливей, мне не суметь избавить их от жестоких случайностей. Но я иду с людьми рядом, как невидимая опора. Инок, смиренно молящийся Богу — Дороге, бьющий поклоны родникам, и вечное в посте. Моя молитва проще простого: «Господи, дай заступиться за веру и честь, не дай мне ни гроша, но раздели со мной хлеб. Господи, если слышишь — не милуй, дай перетерпеть, что ниспослешь! Я одинок и печален, но честность из сердца достать не смею. Аминь».

Я не могу дождем напоить сухую землю, не могу лечить и не предвижу. Но если бы вот в эти руки мои пал маленький лучик надежды, частица светлого, я не стал бы его рассеивать на толпу, попусту тратить благодать. Нет, я просто отдам ее всю до конца маленькой горстке людей, не избранных, а случайных прохожих: пусть вылечится калека, злой станет праведником, творец найдет совершенство. И эти люди светом внутренней чистоты притянут из мрака будней обреченных, унылых, несчастных и тех, кто мается, залечивая раны, нанесенные жизнью.

Не дано испытать полноценного счастья никому: ни богачу — он ненасытен, ни монаху — у него печаль за грешных, ни тем более за бредущим к точке мироздания. Но я видел счастливые лица заблудших, лица тех, кого я возвращал из пропасти горя, утешенных и радующихся жизни. Я помню их, помню всех до единого, но не ободряйтесь: нет в моей груди праведности. Я — мертвое тело, поднятое из векового склепа, и я чувствую Его, я слышу Зверя, беседую с Ним долгими и нудными днями. Он зовет меня в ночь. Но Он знает — никогда не принять мне сторону Тьмы. Я вечный нейтралитет и вечная боль. Но я знаю Его, знаю, кто Он.

Хотите, расскажу о Нем, о Том, с Кем мы похожи по чувствам и мыслям? Он такой же, как и я, не принявший сторону Света или Тьмы. Да и нет этих сторон, есть только силы, их олицетворяющие, шахматная партия двух приятелей, а Он лишь флажок цейтнота для белых, а я — Он же, но для черных. Мы вправе сказать: «Партия господа!» И все фигу-

Я живой, я первоцветом вытягиваюсь к солнцу и дополняю замысел Бога

НЕ ОСТАВЛЯЯ СЛЕДОВ

ры в кучу, лишь для того, чтоб заново расставить их на поле...

А вы знаете, как болит у Зверя в груди? Нет, не одинок я на этой планете, просто мы даже не избранные, мы — часть Вселенной, механизм, корректирующий судьбы тех, кто способен нести частичку мирового замысла Бога.

Я иду, не оставляя следов... Пусть остается это завещание, снимающее часть вопросов. А кто я был — неважно... Когда зал будет рукоплескать моим героям, я, никому не известный и никем не замеченный, уйду из театра жизни.

Первый пьяный суслик

Я был там, где орды пьяных сусликов сплавляются по большой ниагарской реке, и плевать им на крокодилов, чьи хищные рыльца замерли с улыбкой. Ведь в лапках этих сусликов бургеры — бутерброды из свежих булочек, собранных с ароматных плантаций кофеев и покрытых сверху маслом, сделанным из молока последнего мамонта. Да, да, да, я тоже хочу быть пьяным сусликом!

...А на чем они сплавляются? Как на чем? На диких, очень диких и трезвых бревнах. И звери, пришедшие на водопой, замороженно провожают легендарных пьяных сусликов, уходящих в бескрайнее море, чтобы найти трезвых собратьев и передать заветную бутылку мира. Ну в легенду вошло их похмельное, разом сказанное: «Ух - х - х хорошо!», а ночная песня о далекой пустыне — родине суслика — это плач, и от этого плача даже у волков повставала шерсть дыбом, а суслики сказали на это просто: «Ну должно же хоть что-то вставать».

А великий жор самого худого суслика! О, это был шок для всех фермеров. Это надо было видеть. Суслик, узнав поле кукурузы, сожрал половину початков быстрее комбайна, а остатки не успел. Пришел другой суслик. А суслик суслику брат. «Брат, — сказал суслик первый, — выручи уж как-нибудь». Брат посмотрел на поле, на суслика... Поле — суслик, суслик — поле. Можно вечно повторять до медитации. Но брат не Будда, и явлено было пророчество: «Да пойдут остатки на корм скоту и суслику на пойло. Пойдем, брат».

Так откуда явился к нам пьяный суслик? Пьяный суслик явился к нам из страны, где дороги кривые и горбатые, где снег ежегодное, но неожиданное явление. Там в одном зоопарке и жил трезвый суслик. Он был очень умным сусликом, писал трактаты о трезвом мышлении в обществе пьяниц. И на мордашке было такое нездоровое осмысление происходящего, что дядя Вася — сторож зоопарка — сжалился над ним и как-то под вечер вытащил суслика из клетки и сказал:

— Мудрый суслик, вот скажи мне, о чем твои глубокие мысли?

И понесло их: политика там, философия, бабы... Суслик вспомнил о далекой и верной суслейке и крикнул в сердцах:

— Эх, наливай, Василий, по норме!

Вот так и явился миру первый пьяный суслик. И где ступает теперь лапка пьяного суслика, там мир и покой теряют свою ценность. Ведь сказал мудрейший из сусликов: «Ничто так не губит, как однообразие, только переменны способны толкать вперед, не оставляя в памяти серость и обыденность жизни».

Поле, лес — звери, село, город — люди. И все живут, ходят на водопой, едят пищу и друг друга. Но везде живут пьяные суслики, живущие не по устоям — ярко, просто, вызывающие зависть и восхищение окружающих. Да и я сам — как пьяный суслик, пьяный от красок и впечатлений, свободный от тоскливых будней. Я самый счастливый пьяный суслик на свете...

Творение

У меня нет ни голоса, ни слуха. Обидно даже: нет радости, печали. Но я живу сквозь боль и по растопыренным пальцам черта прыгаю с перста на перст, ловя короткий свет струящихся откуда-то лучей. Безмолвие и смерть, и одиночество... Но сон пройдет, и явь покажет все черное тусклое, серое. Но я иду на край, где суд Творца, приговор, казнь меня не остановят. Я живой, я дышу и первоцветом вытягиваюсь к солнцу, и маленьким цветком дополняю замысел Бога.

Душа стены

Там, за пеленой вашего понимания, мой мир. Мир кирпичной стены, вдоль которой были расстреляны тысячи людей. И кровь, и пули, и крики, и души — все на мне. Одна Стена Плача — отражение во всех подобных стенах. Да, я — пустой кирпич, но этот камень стал тысячелетним от слез и крови ран человеческих, от пота, который въедался в меня...

Под мое основание бросали трупы забытых людей, и я словно впитала их кровь, их судьбы, их ненависть, их страхи... В меня вгрызалась шрапнель времени. За ваши судьбы и моления я обрела зрение. И предстало мне то, отчего даже камень покроет трещина: то, что влилось в меня с такой тоской, что хотелось пылью осесть на земле... Когда расстреливают святых и чистых, когда видишь сильных людей с поднятой головой, встречающих слова, ставшие мне ненавистными:

— Заряжай... Цельсь... Пли...

Белые офицеры — совесть, монахи с молитвой на устах — всеобщее прощение — все они вкрапляли свои души в меня с пулями и с той кровью, что брызгами на века осталась на мне. Были дожди, жесткие дожди и ветра. Все они хотели омыть с меня кровь крестьянина, рабочего, солдата, инока и монарха. Но кровь их — моя, и впитана и смешана она в общую боль народа...

Говорите: «Что взять с камня, с кирпича простой стены с песочным или кафельным подступом? Стены, которая стала одной за всех — Стеной Плача, символом и скорбью?»

Вы, люди, сумели через боль, жестокость, через сломанные судьбы вбить в меня, в мертвую стену — ДУШУ. И теперь я живая, и

моя душа — иной мир, мир, в котором за триумфами высоких фраз, побед, парадов остаются одни слезы и невидимые вам трещины и выбоины от пуль, плач вдов и матерей, сыновей и мужей и тех, кто, скрывая слезы, плачет, и я плачу в унисон этим сердцам, не зная, когда закончится Вечный Плач у моего подножия...

Смерть Пророка

Снимите шляпы, господа, Он умер!

Эй, вечный пьяница, налей себе чуть больше горькой, выпей за Того, Кто непременно помянул бы тебя. Прохожий, вздохни тяжело, заглянув в свое сердце, и не забудь, что ты там видел.

...Кто-то умер, но это не ты. И что с того, что Он сделал шаг в никуда чуть раньше тебя, что с того?... Тебе ли, прохожий, оплакивать Того, Кто взял на себя твои долги перед Вселенским судом? Оплакивать и поминать того, кто сумел заглянуть в будущее? Доброго Пророка! Тебе ли, прохожий, прощать Ему грехи, когда Он каждый день беседовал за чашкой чая с Создателем?

Кто же ушел, спросите ненароком вы?

— Да так... — ответит вам ветер. — Просто поэт, музыкант. Может, художник... Не все ли равно?...

А если вам не все равно, то, значит, вы, прохожий, тоже играете с холодным пламенем того мира, который существует рядом. Впусти этот огонь в свою грудь — и обретешь Вечность и предвидение будущего.

Снимите шляпы, господа, вот Тот, Кто идет за всеми, идущими по грани!

Эй, мудрый пьяница, выпей сегодня от души, помяни Пророка, принятого за сумасшедшего.

Старый город

Люблю идти по зимнему старому городу, осторожно наступая на чистый белый снег, ловя музыку тишины и покоя, дышать этим неспешным настроением, вбирать и чувствовать душу этих старых улочек. Особенно ночью, когда снег мелкими крупинками медленно ложится на землю, когда свет от фонарей отражается от снежной крошки и плавным свечением оседает на стенах и фасадах домов, наполняя их жизнью, когда причудливые тени, пришедшие ко мне будто из сказки, шепчут небылицы, а каждое дерево, каждый куст, каждая чугунная ограда — прекрасны.

Я люблю этот город. Люблю неспешно пройтись пешком от проспекта Пушкина до церквушки, а там — и до поворота. Перейти на другую сторону улицы и так же неспешно возвратиться обратно. Как паломник, иду я по этим старым местам, вбираю вдохновение, очищаю душу и сердце от суеты и быта, становясь самым собой...

И в ожидании чего-то необыкновенного, вновь устремляясь к той чарующей атмосфере зимних дворов, я повторяю свой маршрут. А сегодня Новый год, и я знаю — случится чудо...

КОЛАЖ МАРИНЫ НИКОЛЛЕВОЙ